

«Ключ в кармашке платья»

«Мне двадцать три. Старшему из моих учеников шестнадцать. Я его боюсь. Я боюсь их всех».

Светлана Комарова уже много лет живет в Москве. Успешный бизнес-тренер, хедхантер, карьерный консультант. А в 90-х она восемь лет работала школьной учительницей в глухих дальневосточных деревнях.

«Дальний Восток. Каждая осень неземной красоты. Золотая тайга с густозелеными пятнами кедров и елей, черный дикий виноград, огненные кисти лимонника, упоительные запахи осеннего леса и грибы. Грибы растут полянами, как капуста на грядке, выбегаешь на полчаса за забор воинской части, возвращаешься с корзиной грибов. В Подмосковье природа женственна, а тут — воплощенная брутальность. Разница огромна и необъяснима.

На Дальнем кусается все, что летает. Самые мелкие «тварешки» забираются под браслет часов и кусают так, что место укуса опухает на несколько дней. «Божья коровка, полети на небко», — не дальневосточная история. В конце августа уютные, пятнистые коровки собираются стаями как комары, атакуют квартиры, садятся на людей и тоже кусают. Эту гадость нельзя ни прихлопнуть, ни стряхнуть, коровка выпустит вонючую желтую жидкость, которая не отстирывается ничем. Божьих коровок я разлюбила в восемьдесят восьмом.

Вся кусачесть впадает в спячку в конце сентября, и до второй недели октября наступает рай на земле. Безоблачная в прямом и переносном смысле жизнь. На Дальнем Востоке всегда солнце — ливни и метели эпизодами, московской многодневной хмари не бывает никогда. Постоянное солнце и три недели сентябрьско-октябрьского рая безвозвратно и накрепко привязывают к Дальнему.

В начале октября на озерах мы празднуем День учителя. Я еду туда впервые. Тонкие перешейки песка между прозрачными озерами, молодые березы,

чистое небо, черные шпалы и рельсы брошенной узкоколейки. Золото, синева, металл. Тишина, безветрие, теплое солнце, покой.

— Что здесь раньше было? Откуда узкоколейка?

— Это старые песчаные карьеры. Здесь были лагеря, — золото, синева и металл тут же меняются в настроении. Я хожу по песчаным перешейкам между отражений берез и ясного неба в чистой воде. Лагеря посреди березовых рощ. Умиротворяющие пейзажи из окон тюремных барачков. Заключенные выходили из лагерей и оставались в том же поселке, где жили их охранники. Потомки тех и других живут на одних улицах. Их внуки учатся в одной школе. Теперь я понимаю причину непримиримой вражды между некоторыми семьями местных.

В том же октябре меня уговорили на год взять классное руководство в восьмом классе. Двадцать пять лет назад дети учились десять лет. После восьмого из школ уходили те, кого не имело смысла учить дальше. Этот класс состоял из них почти целиком. Две трети учеников в лучшем случае попадут в ПТУ. В худшем — сразу на грязную работу и в вечерние школы. Мой класс сложный, дети неуправляемы, в сентябре от них отказался очередной классный руководитель. Директриса говорит, что, может быть, у меня получится с ними договориться. Всего один год. Если за год я их не брошу, в следующем сентябре мне дадут первый класс.

Мне двадцать три. Старшему из моих учеников, Ивану, шестнадцать. Два года в шестом классе, в перспективе — второй год в восьмом. Когда я первый раз вхожу в их класс, он встречает меня взглядом исподлобья. Дальний угол класса, задняя парта, широкоплечий большеголовый парень в грязной одежде со сбитыми руками и ледяными глазами. Я его боюсь.

Я боюсь их всех. Они опасаются Ивана. В прошлом году он в кровь избил одноклассника, выматерившего его мать. Они грубы, хамоваты, озлоблены, их не интересуют уроки. Они сожрали четверых классных руководителей, плевать хотели на записи в дневниках и вызовы родителей в школу. У половины класса родители не просыхают от самогона. «Никогда не повышай

голос на детей. Если будешь уверена в том, что они тебе подчинятся, они обязательно подчинятся», — я держусь за слова старой учительницы и вхожу в класс как в клетку с тиграми, боясь сомневаться в том, что они подчинятся. Мои тигры грубят и пререкаются. Иван молча сидит на задней парте, опустив глаза в стол. Если ему что-то не нравится, тяжелый волчий взгляд останавливает неосторожного одноклассника.

Районо втемяшилось повисить воспитательную составляющую работы. Родители больше не отвечают за воспитание детей, это обязанность классного руководителя. Мы должны регулярно посещать семьи в воспитательных целях. У меня бездна поводов для визитов к их родителям — половину класса можно оставлять не на второй год, а на пожизненное обучение. Я иду проповедовать важность образования. В первой же семье натываюсь на недоумение. Зачем? В леспромхозе работяги получают больше, чем учителя. Я смотрю на пропитое лицо отца семейства, ободранные обои и не знаю, что сказать. Проповеди о высоком с хрустальным звоном рассыпаются в пыль. Действительно, зачем? Они живут так, как привыкли жить. Им не нужно другой жизни.

Дома моих учеников раскиданы на двенадцать километров. Общественного транспорта нет. Я таскаюсь по семьям. Визитам никто не рад — учитель в доме к жалобам и порке. Для того, чтобы рассказать о хорошем, по домам не ходят. Я хожу в один дом за другим. Прогнивший пол. Пьяный отец. Пьяная мать. Сыну стыдно, что мать пьяна. Грязные затхлые комнаты. Немытая посуда. Моим ученикам неловко, они хотели бы, чтобы я не видела их жизни. Я тоже хотела бы их не видеть. Меня накрывает тоска и безысходность. Через пятьдесят лет правнуки бывших заключенных и их охранников забудут причину генетической ненависти, но будут все так же подпиравать падающие заборы слегами и жить в грязных, убогих домах. Никому отсюда не вырваться, даже если захотят. И они не хотят. Круг замкнулся.

Иван смотрит на меня исподлобья. Вокруг него на кровати среди грязных одеял и подушек сидят братья и сестры. Постельного белья нет и, судя по

одеялам, никогда не было. Дети держатся в стороне от родителей и жмутся к Ивану. Шестеро. Иван старший. Я не могу сказать его родителям ничего хорошего — у него сплошные двойки, ему никогда не нагнать школьную программу. Вызывать его к доске без толку — он выйдет и будет мучительно молчать, глядя на носки старых ботинок. Англичанка его ненавидит. Зачем что-то говорить? Не имеет смысла. Как только я расскажу, как у Ивана все плохо, начнется мордобой. Отец пьян и агрессивен. Я говорю, что Иван молодец и очень старается. Все равно ничего не изменить, пусть хотя бы этого шестнадцатилетнего угрюмого викинга со светлыми кудрями не будут бить при мне. Мать вспыхивает радостью: «Он же добрый у меня. Никто не верит, а он добрый. Он знаете, как за братьями-сестрами смотрит! Он и по хозяйству, и в тайгу сходить... Все говорят — учится плохо, а когда ему учиться-то? Вы садитесь, садитесь, я вам чаю налью», — она смахивает темной тряпкой крошки с табурета и кидается ставить грязный чайник на огонь.

Этот озлобленный молчаливый переросток может быть добрым? Я ссылаюсь на то, что вечереет, прощаюсь и выхожу на улицу. До моего дома двенадцать километров. Начало зимы. Темнеет рано, нужно дойти до темна.

— Светлана Юрьевна, Светлана Юрьевна, подождите! — Ванька бежит за мной по улице. — Как же вы одна-то? Темнеет же! Далеко же! — Матерь божья, заговорил. Я не помню, когда последний раз слышала его голос.

— Вань, иди домой, попутку поймаю.

— А если не поймаете? Обидит кто? — «Обидит» и Дальний Восток вещи несовместимые. Здесь все всем помогают. Убить в бытовой ссоре могут. Обидеть подобранного зимой попутчика — нет. Довезут в сохранности, даже если не по пути. Ванька идет рядом со мной километров шесть, пока не случается попутка. Мы говорим всю дорогу. Без него было бы страшно — снег вдоль дороги размечен звериными следами. С ним мне страшно не меньше — перед глазами стоят мутные глаза его отца. Ледяные глаза Ивана

не стали теплее. Я говорю, потому что при звуках собственного голоса мне не так страшно идти рядом с ним по сумеркам в тайге.

Наутро на уроке географии кто-то огрызается на мое замечание.

«Язык придержи, — негромкий спокойный голос с задней парты. Мы все, замолчав от неожиданности, поворачиваемся в сторону Ивана. Он обводит холодным, угрюмым взглядом всех и говорит в сторону, глядя мне в глаза. — Язык придержи, я сказал, с учителем разговариваешь. Кто не понял, во дворе объясню».

У меня больше нет проблем с дисциплиной. Молчаливый Иван — непререкаемый авторитет в классе. После конфликтов и двусторонних мытарств мы с моими учениками как-то неожиданно умудрились выстроить отношения. Главное быть честной и относиться к ним с уважением. Мне легче, чем другим учителям: я веду у них географию. С одной стороны, предмет никому не нужен, знание географии не проверяет районо, с другой стороны, нет запущенности знаний. Они могут не знать, где находится Китай, но это не мешает им узнавать новое. И я больше не вызываю Ивана к доске. Он делает задания письменно. Я старательно не вижу, как ему передают записки с ответами.

Два раза в неделю до начала уроков политинформация. Они не отличают индийцев от индейцев и Воркуту от Воронежа. От безнадежности я плюю на передовицы и политику партии и два раза в неделю по утрам пересказываю им статьи из журнала «Вокруг света». Мы обсуждаем футуристические прогнозы и возможность существования снежного человека, я рассказываю, что русские и славяне не одно и то же, что письменность была до Кирилла и Мефодия. И про запад. Западом здесь называют центральную часть Советского Союза. Эта страна еще есть. В ней еще соседствуют космические программы и заборы, подпертые кривыми бревнами. Страны скоро не станет. Не станет леспромхоза и работы. Останутся дома-развалюхи, в поселок придет нищета и безнадежность. Но пока мы не знаем, что так будет.

Я знаю, что им никогда отсюда не вырваться, и вру им о том, что, если они захотят, они изменят свою жизнь. Можно уехать на запад? Можно. Если очень захотеть. Да, у них ничего не получится, но невозможно смириться с тем, что рождение в неправильном месте, в неправильной семье перекрыло моим открытым, отзывчивым, заброшенным ученикам все дороги. На всю жизнь. Без малейшего шанса что-то изменить. Поэтому я вдохновенно им вру о том, что главное — захотеть изменить.

Весной они набиваются ко мне в гости: «Вы у всех дома были, а к себе не зовете, нечестно». Первым, за два часа до назначенного времени приходит Лешка, плод залетной любви мамыши с неизвестным отцом. У Лешки тонкое породистое восточное лицо с высокими скулами и крупными темными глазами. Лешка не вовремя. Я делаю безе. Сын ходит по квартире с пылесосом. Лешка путается под ногами и пристает с вопросами:

— Это что?

— Миксер.

— Зачем?

— Взбивать белок.

— Баловство, можно вилкой сбить. Пылесос-то зачем покупали?

— Пол пылесосить.

— Пустая трата, и веником можно, — он тычет пальцем в фен. — А это зачем?

— Лешка, это фен! Волосы сушить!

Обалдевший Лешка захлебывается возмущением:

— Чего их сушить-то?! Они что, сами не высохнут?!

— Лешка! А прическу сделать?! Чтобы красиво было!

— Баловство это, Светлана Юрьевна! С жиру вы беситесь, деньги тратите!

Пододеяльников, вон — полный балкон настирали! Порошок переводите!

В доме Лешки, как и в доме Ивана, нет пододеяльников. Баловство это, постельное белье. А миксер мамке надо купить, руки у нее устают.

Иван не придет. Они будут жалеть, что Иван не пришел, слопают без него домашний торт и прихватят для него безе. Потом найдут еще тысячу и один притянутый за уши повод, чтобы в очередной раз завалиться в гости, кто по одному, кто компанией. Все, кроме Ивана. Он так и не придет. Они будут без моих просьб ходить в садик за сыном, и я буду спокойна — пока с ним деревенская шпана, ничего не случится, они — лучшая для него защита. Ни до, ни после я не видела такого градуса преданности и взаимности от учеников. Иногда сына приводит из садика Иван. У них молчаливая взаимная симпатия.

На носу выпускные экзамены, я хожу хвостом за англичанкой — уговариваю не оставлять Ивана на второй год. Затяжной конфликт и взаимная страстная ненависть не оставляют Ваньке шансов выпуститься из школы. Елена колет Ваньку пьющими родителями и брошенными при живых родителях братьями-сестрами. Иван ее люто ненавидит, хамит. Я уговорила всех предметников не оставлять Ваньку на второй год. Елена негибаема, ее бесит волчонок-переросток, от которого пахнет затхлой квартирой. Уговорить Ваньку извиниться перед Еленой тоже не получается:

— Я перед этой сукой извиняться не буду! Пусть она про моих родителей не говорит, я ей тогда отвечать не буду!

— Вань, нельзя так говорить про учителя, — Иван молча поднимает на меня тяжелые глаза, я замолкаю и снова иду уговаривать Елену:

— Елена Сергеевна, его, конечно же, нужно оставлять на второй год, но английский он все равно не выучит, а вам придется его терпеть еще год. Он будет сидеть с теми, кто на три года моложе, и будет еще злее.

Перспектива терпеть Ваньку еще год оказывается решающим фактором, Елена обвиняет меня в зарабатывании дешевого авторитета у учеников и соглашается нарисовать Ваньке годовую тройку.

Мы принимаем у них экзамены по русскому языку. Всему классу выдали одинаковые ручки. После того как сданы сочинения, мы проверяем работы с двумя ручками в руках. Одна с синей пастой, другая с красной. Чтобы

сочинение потянуло на тройку, нужно исправить чертову тучу ошибок, после этого можно браться за красную пасту. Один из парней умудрился протащить на экзамен перьевую ручку. Экзамен не сдан — мы не смогли найти в деревне чернил такого же цвета. Я рада, что это не Иван.

Им объявляют результаты экзамена. Они горды. Все говорили, что мы не сдадим русский, а мы сдали! Вы сдали. Молодцы! Я в вас верю. Я выполнила свое обещание — выдержала год. В сентябре мне дадут первый класс. Те из моих, кто пришел учиться в девятый, во время линейки отдадут мне все свои букеты.

Начало девяностых. Первое сентября. Я живу уже не в той стране, в которой родилась. Моей страны больше нет.

— Светлана Юрьевна, здравствуйте! — меня окликает ухоженный молодой мужчина. — Вы меня узнали?

Я лихорадочно перебираю в памяти, чей это отец, но не могу вспомнить его ребенка:

— Конечно узнала, — может быть, по ходу разговора отпустит память.

— А я вот сестренку привел. Помните, когда вы к нам приходили, она со мной на кровати сидела?

— Ванька! Это ты?!

— Я, Светлана Юрьевна! Вы меня не узнали, — в голосе обида и укор. Волчонок-переросток, как тебя узнать? Ты совсем другой.

— Я техникум закончил, работаю в Хабаровске, коплю на квартиру. Как куплю, заберу всех своих.

Он вошел в девяностые как горячий нож в масло — у него была отличная практика выживания и тяжелый холодный взгляд. Через пару лет он действительно купит большую квартиру, женится, заберет сестер и братьев и разорвет отношения с родителями. Лешка сопьется и сгинет к началу двухтысячных. Несколько человек закончат институты. Кто-то переберется в Москву.

— Вы изменили наши жизни.

— Как?

— Вы много всего рассказывали. У вас были красивые платья. Девчонки всегда ждали, в каком платье вы придете. Нам хотелось жить как вы.

Как я. Когда они хотели жить как я, я жила в одном из трех домов убитого военного городка рядом с поселком леспромхоза. У меня был миксер, фен, пылесос, постельное белье и журналы «Вокруг света». Красивые платья я шила вечерами на подаренной бабушками на свадьбу машинке.

Ключом, открывающим наглухо закрытые двери, могут оказаться фен и красивые платья. Если очень захотеть».

Педагог-Психолог

Сидорова К.В.

Источник: статья Светланы Комаровой